

Семинар «Вселенная русской фразеологии»

Пословицы как разряд фразеологизмов (новый подход к старой категории)

А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

baranov_anatoly@hotmail.com, dm-dbrv@yandex.ru

Фразеология, паремология, пословица, типы фразеологизмов, паремия

Summary. In this paper, we discuss the category of proverb. The traditional approach does not allow for a strict distinction between proverbs and other types of sentential phrasemes. We put forward two additional criteria for defining the category of proverb: (1) the idea of generality in the proverb semantics (a mandatory requirement), and (2) the illocution of recommendation or explanation, typical of proverbs.

1. Пословицы — традиционный подход

Традиционно пословицы относятся к сфере фразеологии, хотя реальная практика научных исследований показывает, что паремология — это автономная научная дисциплина со своим концептуальным аппаратом и методами исследования. Тем не менее, структурно пословица является видом фразеологизма и естественно рассматривать пословицы во фразеологии — на фоне других типов фразеологизмов. Особенно важно разграничить пословицы и поговорки, обычно рассматриваемые в паремологии как единый класс паремий. В разных концепциях граница между пословицами и поговорками либо не проводится вообще, либо проводится по-разному, при этом в подавляющем большинстве случаев не удается четко отграничить одно от другого. Так, к паремиям относят и сентенции типа *не в свои сани не садись, на всякого мудреца довольно простоты, цыплят по осени считают* (собственно пословицы), и выражения типа *вот тебе, бабушка, и Юрьев день!, лед тронулся, жеребий брошен*.

2. Пословицы и поговорки: *differencia specifica*

Структурно пословицы и поговорки практически мало различимы — и те и другие представляют собой устойчивые выражения со структурой предложения. С семантической и прагматической точки зрения они, однако, различны. Эти различия можно сформулировать в следующих положениях.

1. Специфическая особенность пословиц — это наличие в их семантике идеи всеобщности, ср. *всякому овощу свое время, всяк сверчок знай свой шесток, на всякий роток не накинешь платок, сколько волка ни корми, он все в лес смотрит*. Идея всеобщности отсутствует в значении поговорки — ср. *вот тебе, бабушка, и Юрьев день; лед тронулся*.

2. Пословицы по своему значению разделяются на две группы. Для одной группы характерна идея рекомендательности, то есть совета вести себя определенным образом в определенной ситуации. Действительно, значение пословицы *не в свои сани не садись* сводится к обобщенной рекомендации не делать того, что не умеешь, не участвовать в деле, которое тебе не подходит и т. п. Ср. также *от сумы да от тюрьмы не зарекайся, время — деньги, на чужой каравай рот не разевай*.

В пословицах другой группы семантика рекомендательности, скорее, находится на втором плане, будучи следствием из значения и контекста. При этом в центре внимания оказывается идея объяснения, мотивации. Так, пословица *свято место пусто не бывает* не столько рекомендует, сколько объясняет происходящее или обсуждаемое. Идея «объяснительности» присутствует также в семантике таких пословиц, как *правда хорошо, а счастье — лучше; ум хорошо, а два — лучше; один в поле не воин*.

В значении выражения *лед тронулся* нет ни рекомендации, ни запрета, ни объяснения, нет и идеи всеобщности: оно произносится в ситуации, когда какое-то дело, которое по каким-то причинам было трудно начать, все-таки начинается. Именно поэтому это выражение является поговоркой, а не пословицей.

3. Определение пословицы

С учетом сказанного пословицу можно определить как фразеологизм, имеющий структуру предложения, с семантической всеобщности, выражающий рекомендацию (совет,

нравоучение или запрет) и / или объясняющий обсуждаемое положение дел. Идея всеобщности часто выражается на поверхностном уровне лексемами типа *все, всё, всякий, каждый*, а также обобщенно-личной формой глагола, ср. *на всякого мудреца довольно простоты; всему свое время; без труда не вытащишь и рыбку из пруда; что посеешь, то и пожнешь*. Рекомендательная сила отражается в характерной для пословиц грамматической форме императива: *семь раз отмерь — один отрежь; не свои сани не садись*. Однако степень эксплицитности выражения семантики всеобщности и рекомендации может быть весьма слабой, ср. *двум смертям не бывать, а одной не миновать*.

С прагматической точки зрения пословицы в целом более независимы от контекста или ситуации, чем поговорки и другие речевые формулы. Например, поговорки *поезд ушел, старость не радость* появляются в дискурсе как реакции на какие-то аспекты происходящего. Выражение *старость не радость* естественно произнести, если говорящий ощущает сам или наблюдает у других какие-то проблемы, которые он интерпретирует как связанные с возрастом, ср. — <...> *Соскучился, вышил, может быть, лишнего... Много ли такому старичку требуется! — Да-а-а, — присоединилась к ее мнению кассирша, — старость не радость... Пойдемте, девушки, в помещение!..* (Л. Лагин. Старик Хоттабыч). Пословицы в меньшей степени зависят от ситуации. Так, пословица *Не в свои сани не садись* совершенно естественно как название известной пьесы А. Н. Островского; ср. также такие названия других его пьес, как *На всякого мудреца довольно простоты; Правда хорошо, счастье лучше; Бедность не порок; Старый друг лучше новых двух; Свои люди — сочтемся*.

4. Пословица: диагностический тест

Специфическая семантика пословиц дает возможность предложить процедуру их выделения и, соответственно, отделить их от поговорок и других речевых формул. Наличие семантики всеобщности лежит в основе диагностического теста: текст с пословицей может быть дополнен конструкциями, вводимыми союзами и союзными словами типа *поэтому, следовательно, по этой причине*. Например, выражение *на воре шапка горит* относится к пословицам, поскольку возможно высказывание типа *На воре шапка горит, поэтому он и занервничал!* Возможность причинного «расширения» контекста объясняется тем, что пословица всегда основана на некотором общем правиле (ср. идею всеобщности в определении пословицы), а также связана с рекомендацией или объяснением (как это имеет место в приведенном примере). В противоположность этому, речевую формулу *опять двадцать пять* нельзя поместить в контекст причинной семантики, ср. невозможность **Опять двадцать пять, поэтому я устал / я недоволен*. Некоторые поговорки допускают аналогичные по форме расширения. Однако все результирующее выражение имеет в этом случае принципиально иное значение. Например, поговорка *чем богаты, тем и рады* допускает следующий контекст: *Чем богаты, тем и рады, поэтому не обессудьте*. Дело в том, что в данном примере высказывание в целом не является доказательством, следующим из общего правила, или объяснением, а просто оправданием. Применение предложенного теста требует, таким образом, учета коммуникативной направленности результирующего выражения.

Фразеологизмы в языке современных российских СМИ

Н. В. Баско

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

E-mail: ninabasko@mail.ru

Средства массовой информации (СМИ), фразеологический оборот, фразеологический неологизм, стилистика, национально-культурная семантика

Summary. The paper is devoted to the analysis of usage of Russian idioms in the modern Russian mass media. It also considers some new Russian idioms, which have not yet been fixed in modern Russian dictionaries of idioms.

1. Наблюдения над языком современных российских средств массовой информации — газет, журналов, интернет-сайтов телеканалов и радиостанций, показывают, что количество фразеологических оборотов, используемых в этой языковой сфере, постоянно растет. При этом фразеологизмы присутствуют во всех традиционных основных тематических рубриках современных СМИ, включая политику, экономику, социальную жизнь, культуру, спорт. Активное употребление фразеологизмов в языке современных СМИ обусловлено экстралингвистическими факторами: кардинальными социально-политическими реформами в современной России, переходом к рыночной экономике, свободой средств массовой информации, отсутствием идеологической цензуры.

2. Именно в материалах СМИ фиксируется появление в речи фразеологических неологизмов — новых оригинальных фразеологических оборотов, которые еще не получили лексикографического отражения в современных фразеологических словарях и не вошли во фразеологическую систему русского языка. Ср.: *бежать впереди паровоза, в сухом остатке, вызывать аллергию, хлопнуть дверью, держать на коротком поводке, перекрыть кислород, раскачивать лодку, ниже плинтуса, держать планку, белый и пушистый* и др. Возникая в процессе устного общения участников коммуникации, а затем многократно повторяясь в речи носителей языка, фразеологический неологизм, как правило, воспроизводится и фиксируется в письменной форме прежде всего на страницах современных СМИ и интернет-сайтах. Сначала новый фразеологический оборот появляется в материалах СМИ, отражающих устную форму коммуникации, в таких жанрах как интервью, дискуссия, пресс-конференция, репортаж, затем в публицистических материалах, выражающих личное отношение автора к рассматриваемой проблеме, и лишь после этого в авторских аналитических или публицистических статьях. Фразеологические неологизмы не используются в официальных информационных материалах СМИ, что закономерно.

3. Поскольку фразеологические обороты являются языковыми единицами с ярко выраженной национально-культурной семантикой, то широкое распространение их в языке современных СМИ свидетельствует об определенном функционально-стилевом сдвиге в этой сфере языка в сторону усиления национально-культурного компонента значения, эмоциональности, образности языка современных российских СМИ в целом. В зависимости от жанровых особенностей материала СМИ меняется наполняемость его лексико-фразеологическими единицами, содержащими национально-культурный компонент. В острых полемических материалах или в авторских публицистических статьях национально-культурная составляющая получает более широкое отражение, поскольку авторское словоупотребление отражает субъективную эмоционально-оценочную авторскую позицию по тому или иному вопросу.

4. Другой тенденцией, которую отмечают многие исследователи языка СМИ и которая непосредственно связана с использованием фразеологии, является демократизация языка современных российских СМИ. Однако, говоря об этой общей тенденции в целом, нельзя не сказать и об определенной вулгаризации языка, что непосредственно связано с активным использованием в СМИ фразеологии стилистически-сниженной окраски. Ср.: *вешать лапшу на уши, катить бочку, качать права, закатать в асфальт, как баран на новые ворота, как кость в горле, на халяву* и др.

5. Анализ фразеологизмов языка СМИ в функционально-стилистическом аспекте, свидетельствует об их разнопла-

новости. Использование в СМИ разных в стилистическом отношении типов фразеологизмов во многом определяется характером информации (официальная и неофициальная) и жанром медийного текста, непосредственно связанным с формой изложения материала (устная — интервью, дискуссия, пресс-конференция, или письменная — информационное сообщение, научно-популярная статья, обзор событий, комментарий). В зависимости от жанра информации (официальные новости, информационное сообщение, обзор информации, аналитическая статья, публицистическая статья, рецензия, интервью, материалы пресс-конференции или дискуссии и др.) в СМИ используются разные по своей функционально-стилистической характеристике фразеологизмы — от книжных и нейтральных до разговорных и даже просторечных. Отметим, что материалы СМИ, выражающие личное, в значительной степени субъективное отношение автора к той или иной проблеме (публицистическая статья, рецензия на кинофильм, книгу и т. д.) более насыщены образными, эмоционально-оценочными фразеологическими оборотами. Это свидетельствует о том, что отбор и использование фразеологизмов в языке СМИ (включая и фразеологические неологизмы) происходит с учетом функционально-стилевых особенностей этих языковых единиц и определяется целями общения, ситуацией общения, а также социальными ролями участников медийной коммуникации.

6. Особое место занимает русская фразеология в рекламных текстах, в изобилии представленных в современных СМИ. Ср.: «Когда простуда берет за горло, примите strepsils»; «Качество мебели фирмы „Дядьково“ — что надо!», «Как заставить деньги плясать под вашу дудку? Чтобы это узнать, приходите на семинары Академии биржевой торговли»; «Инвестиционная компания „Прспект“ — высший пилотаж в сфере инвестиционного искусства», «Новый год на носу! Пора подарки покупать. Лучший подарок — карманный переводчик „Эктако“, «Скоро Новый год, а значит не за горами снежные заносы и гололед. Внедорожник фирмы Mazda обеспечит вам максимальный комфорт в зимних поездках и путешествиях». В наше время фразеология проявляется в этой функционально-стилевой сфере языка активно, ярко и своеобразно.

7. Средства массовой информации играют важную роль в жизни современного общества, не только сообщая информацию, но и влияя на общественное мнение и в значительной степени формируя его. Неадекватность восприятия информации, содержащейся в СМИ, телезрителями, радиослушателями, читателями прессы, пользователями Интернета вследствие идиоматичности значения фразеологических оборотов и трудностей понимания их семантики, ведет к нарушению коммуникации в целом. Особые трудности вызывает понимание значения фразеологических оборотов русского языка у иностранцев. Поэтому формирование коммуникативной компетенции у иностранных учащихся, получающих разнообразную информацию посредством российских СМИ, является одной из актуальных методических задач преподавателей РКИ.

Литература

1. Добровольский Д. О. Типология идиом // Фразеология в Машинном фонде русского языка. М., 1990.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
3. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. М., 1999.
4. Мокшенко В. М. Образы русской речи. Л., 1986.
5. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / Отв. ред. М. Н. Володина. М., 2004.

Традиционная рифма в русской паремике

Т. Г. Бочина

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет (Казань)

tbochina@yandex.ru

Паремия, рифма, концепт, символ

Summary. The report focuses on the analysis of the conceptual content and origin of the symbolic rhythmic consonance; structural and semantic variations of the rhyme, types of relationship between the elements of the rhythmic pair, characteristic of the corresponding proverbial associative and verbal corpus.

Известно, что рифмующиеся слова выполняют не только мнемоническую и эстетическую функции, но и вносят важнейший вклад в образно-смысловое содержание паремий. Особенно ярко единство звуковой и смысловой сторон проявляется в так называемых «банальных», или традиционных, рифмах.

Среди рифм, неоднократно воспроизведенных в русских паремиях, можно выделить пары, элементы которых в языковой системе не обнаруживают регулярных семантических корреляций, входят в различные лексико-семантические поля и парадигмы, и в то же время являются частотными в русском фольклоре. Именно о таких традиционных сближениях, как *горы — горе, пить — бить, поле — воля* А. А. Потемкина писал, что «они основаны не на пустой игре словами, а на известном взгляде на природу», и что «под любимыми рифмами кроется... символ» [1: 378, 299].

Так, мифологическое понимание воды как чужого и опасного пространства, ее негативная символика породили рифму *вода — беда*; в триаде *поле — поля — доля* завязаны ключевые понятия народного мировоззрения: Поле как важнейшая ипостась русского Космоса, Воля как одна из стержневых и специфических ценностей русского культурного архетипа (в отличие от западного понимания свободы) и Доля как представление о том, что есть судьба; не только формальной, но и концептуальной близостью ассоциативных лексем, их семантическим взаимодействием характеризуется частотное сближение *учить — мучить* и т. п.

Традиционные созвучия представляют собой, с одной стороны, прочную ассоциативную схему, в которой один элемент как бы притягивает второй, а с другой — схему гибкую, просторную, с обилием структурных и семантических вариаций. К примеру, смысловой инвариант «вода — беда» реализуется в ряде инвариантных рифм: *Лучше хлеб с водою, чем пирог с бедою; Морских топят море, а сухопутных крушит горе; Лучше в пучину, чем в злую кручину; Катит беда, что девятая волна; Река — не море, тоска — не горе*. Триада Поле — Воля — Доля реализуется рифмопарами *поле — воля, воля — доля, поле — доля; Цвет в поле, человек в воле; Своя волюшка доводит до горькой долишки; Крестьянская доля на широком поле*. В нашей картотеке насчитывается более 20 паремий, содержащих рифму *смех — грех (грех — смех)*, и еще более 10 — с ее структурно-смысловыми вариантами: *хихи — грешки, смешно — грешно, грех — посмех, грехи — смехи, грехи — смешки, грешно — потешно*. Структурное варьирование рифмы *учить — мучить* осуществляется в основном в пределах двух словообразовательных гнезд, соотносительные звенья которых ассоциируются друг с другом: *Старый младого учит, а младой старого мучит; Беда вымучит, беда и выучит; Вся хитрость не изучишь, а себя измучишь; Намучишься, так и научишься; Всякое ученье напору муче-*

нье; Без муки нет и науки. Используются и синонимические мены одного из элементов: *Беды жучат, беды и учат; Много учён, а не досечён; Не для сеченья — для ученья*.

Таким образом, структурно-семантическое варьирование традиционной рифмы достигается словоизменительными и словообразовательными средствами, синонимическими и согипонимическими менами одного или обоих компонентов рифмопары; ассоциативная схема реализуется, как правило, не одной рифмой, а целым рядом регулярных корреляций лексико-семантических и (или) морфосемантических полей, которые отражают узловые пересечения концептов русской культуры.

Символический статус «банальной» рифмы проявляется в широте диапазона смысловых отношений, выражаемых в паремии ее компонентами: от тождества и сходства до актуализированного различия и противоположности. Традиционная рифма *смех — грех* выражает разнообразные смысловые отношения: имплицативные (где одно, там и другое) *Где грех, там и смех*, причинно-следственные (*смех → грех, грех → смех*) *Смехи да хихи вводят в грехи, Грехи чинят смехи* диалектическое единство противоположностей (*и смех, и грех*), отрицание тождества *Вовремя смех не грех, а безо времени и молитва ни к чему; Грех не смех*; актуализированный контраст *Чужая беда — смех, своя беда — грех*. Это многообразие говорит о символическом статусе данной рифмы. Как известно, символ, в отличие от знака, принципиально неоднозначен, и чем больше смыслов он выражает, тем значительнее его место в культуре, древнее история.

Разнообразные смысловые отношения устанавливаются и среди компонентов рифмы *конец — венец*: тождественные, когда пословица является результатом семантического разветвления рифмы: *Конец делу венец; Добрый конец всему делу венец* ср. *Конец дело венчает (красит)*, причинно-следственные: *Разорить до конца, не будет венца; Была под венцом, и дело с концом*, временные: *Как наденут венец, так всему конец*, отрицание противоположностей: *Ни праведнику венца, ни грешнику конца*; актуализированный контраст: *Детки хороши, отцу, матери венец, худы — отцу, матери конец; Сегодня венчался, а завтра скончался; Краса до венца, а ум до конца*.

Гибкость ассоциативной схемы характерна для всех рифмопар, хотя одни из них специализируются на выражении отношений тождества и подобия, а компоненты других чаще связаны отношениями по контрасту. Тем не менее, символическое «удвоение мира» сущностей, проявляющееся в регулярном уподоблении компонентов традиционной рифмопары, содержит в себе потенцию раздвоения парной константы на полярные элементы.

Литература

1. Потемкина А. А. Слово и миф. М., 1989.

Проблемы составления двуязычных и многоязычных словарей пословиц

Х. Вальтер

Грайфсвальдский университет (Германия)

alter@uni-greifswald.de

В. М. Мокиенко

Санкт-Петербургский государственный университет

mokienko40@mail.ru

Славянская (с том числе и русская) паремнография накопила богатый опыт создания двуязычных и многоязычных словарей пословиц и поговорок. Русский язык во многих словарях является основным объектом описания. При этом — в отличие от словарей лексических и фразеологиче-

ских паремнологические словари до сих пор еще несут на себе отпечаток фольклористической и этнографической методики обработки и систематизации пословиц и поговорок. Многим из них не хватает лингвистичности, собственно лексикографических параметров — таких, например, как

строгие дефиниции, грамматические характеристики, детализированная стилистическая маркировка, системная градуировка эквивалентов, культурологические и историко-этимологические комментарии и др. В докладе рассматриваются собственно лингвистические подходы к составле-

нию дву- и многоязычных словарей русских пословиц, предлагаются практические решения названных проблем и демонстрируется опыт самих докладчиков в создании русско-немецких и русско-испанских паремнологических словарей.

Фразеологическое пространство массовой литературы и современные языковые процессы

В. Г. Дидковская

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого

viktoriya.didkovskaya@novsu.ru

Фразеологизм, языковая личность, интертекстуальность, языковая игра, трансформация

Summary. The author analyses the usage of phraseological units in T. Ustinova's novels, thus considering peculiarities of modern mass literature language. High frequency of phraseological units, general socio-cultural polyphony of phraseological composition, usage of phraseological units to create a modern tale and play on words correspond to the active processes taking place in the Russian language at the turn of the century — the processes manifested in conforming to the language style of the epoch, a tendency towards freedom of expression and search for new cultural speech patterns.

На рубеже веков социокультурные перемены обусловили появление новых форм литературы, получившей общее название «массовой». Массовая литература связана с массовым обыденным сознанием, с языком текущего момента, средней языковой личностью, которая задает «образ читателя» ее произведений. Усредненность языка этой «средней» литературы обычно связывается с бедностью состава языковых форм, отсутствием средств изобразительности, однообразием лексики, использованием современных речевых штампов и т. д., однако подобные оценки «в общем и целом» нуждаются в уточнении и корректировке.

Своего рода «лакусомой бумажкой» для выявления особенностей языка массовой литературы может служить качественно-количественный состав и приемы использования фразеологизмов в отдельных ее жанрах и текстах, а также в индивидуальном лексиконе ее авторов. Это обусловлено тем, что фразеология является, по общему мнению, одним из самых ярких стилистических средств речи, и в то же время — «областью национального» в языке.

Как показало аналитическое чтение так называемых женских детективов, наиболее насыщены фразеологизмами тексты Т. Устиновой, написанные в жанре детективной мелодрамы. «Фразеологическое пространство» ее романов весьма объемно: на каждой странице употреблено в среднем три фразеологизма, что составляет в четырехсотстраничном тексте более тысячи единиц. Характерной чертой ее авторского стиля является нанизывание фразеологизмов, «тесно» их употребления вплоть до соединения в рамках отдельного предложения: *Он совсем выпустил из виду вопрос, который пришел ему в голову одним из первых, — на какие деньги бабушка божий одуванчик жила пятьдесят лет после смерти мужа?* (Хроника гнусных времен).

Согласно сложившейся традиции, фразеологизмы преимущественно тяготеют к персонажной сфере художественного текста, так как их основной стилистической функцией признается речевая характеристика героя. В романах Т. Устиновой такая четкая специализация фразеологизмов отсутствует, персонаж как «творец» текста и автор как его реальный создатель не разграничиваются в этом отношении ни качественно, ни количественно. Следует отметить, что самым распространенным типом текста по признаку «автор — персонаж» в современной массовой литературе является своего рода современный «сказ»: автор как бы отказывается от участия в создании текста, передоверяя свою творческую функцию герою и отождествляя себя с ним как языковая личность. Фразеологизмы при этом оказываются не «чужим словом», а связующим звеном между авторским и персонажным текстом в качестве общей и характерной приметы современной речи: *...а вот он им и без всякой гениальности покажет, где раки зимуют! ...Он всегда был умнее их в той науке, гранит которой они грызли вместе столько лет! ...он почти сделал гениальное открытие! ...Вот теперь посмотрим, чья возьмет, — покрутитеесь-ка, поюлите, поуговаривайте меня! Мне от ваших пятидесяти тысяч хорошо если штуку отстегнут, а я и без вашей штуки нынче полный кум королю и сват министру!* (Гений пустого места).

Фразеология вплетается в общую интертекстуальность современного романа, которая превращает текст в нанизыва-

вание явных и скрытых цитат, современных речевых штампов, присловий и приговорков. Все это сопровождается, кроме того, использованием единиц современной персониферы и упоминанием других примет современного быта: *Я не могу тут... антимонии разводить, у меня дел по горло! Марков меня вчера как лягушку, препарировал, потому что я книжку не содал, и еще ты тут мне нервы треплешь! Говори быстро, ну! И царапина откуда?! С самосвала упала? Тормозила головой?* (Саквоаж со светлым будущим). Качественный состав фразеологизмов в романах Т. Устиновой связан с еще одной характерной чертой современной социокультурной ситуации — ее полифонией. Фразеологическое пространство анализируемых текстов в этом отношении разнообразно: в нем присутствуют единицы, связанные с книжной культурой (*ничтоже сумняшеся, не от мира сего, дамоклов меч, бальзаковский возраст*); общеупотребительные обороты различной стилистической и эмоциональной окраски (*ни под каким видом, тянуть лямку, навести лыжи, подводить под монастырь* и др.); новые обороты с ярко выраженной принадлежностью современной речи, связанные с разными социальными кодами: *пудрить мозги, держать удар, сто пудов, на счет раз, по полной программе, на понт брать, выше крыши, в клочки порвать, в одном флаконе* и др. В этом проявляется языковая повседневность массовой литературы: читатель находит в ней привычные выражения, которые знают все, и идентифицирует себя с ее героями не только через предметный мир, но и через мир языка.

Фразеологические единицы предоставляют авторам массовой литературы обширный материал для самого распространенного в ней приема построения текста — языковой игры. Использование языковой игры является стилистической основой всей модернистской и постмодернистской прозы, она активно используется и современными СМИ, с которыми массовая литература связана сиюминутностью и доступностью, привычностью языковых приемов. В филологических исследованиях последних лет среди отличительных черт современной языковой игры обязательно называется трансформация фразеологизмов, что вполне объяснимо как их собственными свойствами, так и связью с общим фондом языковых знаний автора и его читателя.

Наиболее интересным способом трансформации фразеологизмов в текстах Т. Устиновой является разделение их на фрагменты, которые затем включаются в состав других синтаксических структур. Этот прием основан на том, что компоненты фразеологизма или их сочетания начинают жить отдельной жизнью, восстанавливается их свободное значение, оживляется и переосмысливается в соответствии с реалиями современной жизни внутренняя форма всей единицы: *...значит, мир устроен совсем по-другому. Не так, как это представлял себе Хохлов до того, как все случилось! Это значит, что все люди, даже самые близкие, на самом деле волки, и он просто не видит их оскаленных хищных пастей, прикрытых привычной овечьей шкуркой! Впрочем, у людей нет никакой овечьей шкурки, что за глупость! Они просто люди и, вполне возможно, их испортил квартирный вопрос...* (Гений пустого места). Весь текст, в который развертывается фразеологизм, оказывается расшифровкой его внутренней формы, источник которой ав-

тор предлагает искать не в библейском тексте, а в «мире животных».

Таким образом, использование фразеологизмов в текстах романов Т. Устиновой отражает общие тенденции динамики русского языка, в первую очередь, такие как тенден-

ция к неологизации, тенденция к экспрессивности и ориентация на «устьность» (И. Т. Вепрева). В них же в свою очередь проявляется следование моде, языковому вкусу эпохи, в основе которого лежит общее стремление к свободе выражения, к обновлению культурно-речевых образцов.

Экстра- и интралингвистическая обусловленность прагматического потенциала крылатых выражений

Л. П. Дядечко

Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко (Украина)

eptonim@ukr.net

Крылатые выражения, прагматический потенциал, прецедентный текст

Summary. The paper outlines the extra- and intralinguistic factors that determine the pragmatic potential of winged words.

Прагматический потенциал крылатых выражений определяется ассоциативно-генетической соотнесенностью с некоторым текстом или с высказыванием известного лица, что обогащает семантику соответствующих речеобразований, разделяя их особой коннотацией авторитетности, создавая новую плановость актуального сообщения. Таким образом, узнавание оборота с «печатью авторства» в речи и его последующая интерпретация зависит от экстралингвистического фактора — знакомства адресата с исходным контекстом, в котором этот оборот был впервые сконструирован. Если данное условие не соблюдается, возможен коммуникативный провал [2]. Поэтому категория крылатых выражений относится, как справедливо подчеркивают исследователи, к одной из наиболее субъективных среди тех, которые выделяются во фразеологическом фонде национального языка.

Тем не менее единицы из основного корпуса крылатых выражений более или менее хорошо распознаются большинством носителей языка благодаря общей когнитивной базе, сформированной прецедентными текстами: произведениями из обязательной школьной программы, текстами СМИ. Последние не только поставляют в речевое обращение собственные крылатые выражения (сравн. рекламные слоганы и более или менее удачные, нередко парадоксальные реплики политиков), но и поддерживают облигаторность текстов, значимых для предшествующих поколений, вызывая явление, которое можно назвать культурной иррадиацией. Ее суть состоит в том, что фрагменты, например из книг советской эпохи, освоенные языком в качестве крылатых выражений, продолжают в нем широко использоваться, несмотря на кардинальную переоценку и изменение условий бытования первоисточника, когда все меньшее число носителей знакомо с ним непосредственно. Однако общественная память о нем поддерживается его перекодировками (инсценизациями, экранизациями) и цитациями. Так, источник уже давно не изучаемых в школе слов, представляющих кредо Павки Корчагина, как свидетельствуют регулярные, проводимые раз в 4–5 лет в студенческой аудитории из 20 человек опросы, известен не менее двум-трем студентам, причем после появления китайской киноверсии романа «Как закалялась сталь» удельный вес правильно ответивших значительно вырос. Сравн. также использование крылатых выражений в качестве прямых цитат, с указанием автора: «Виктор Петрович, как вы считаете, может сегодня пригодиться советская мораль по Николаю Островскому: „Чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...“» — «Мораль по Островскому знал я когда-то в детстве, в юности следовал ей, но за мои семь десятилетий столько было прожито морали, столько произнесено демагогии, столько было спекуляции на этой фразе, на жизни Островского, спекуляции на всякой примерной жизни и вождей, и гениев. Их сначала убьют у нас в России, а потом в пример ставят» (из интервью с В. Астафьевым; см. газ. «Культура», 13–19.05.2004).

Во многих случаях связь с первоисточником как основное условие функционирования крылатых выражений может поддерживаться, эксплицироваться и собственно лингвистическими средствами, особенно если оборот сохраняется более или менее отчетливые следы авторской обработки.

В научной литературе на материале немецкой фразеологии назывались такие сигнализаторы крылатых выражений: 1) лексические (личные имена, литературно-исторические

реалии, необычные для разговорной речи слова, например архаизмы); 2) грамматические (нестандартность порядка слов, свойственная поэтическому стилю; обращения; незавершенность структурного оформления; особая форма прилагательных); 3) структурно-речевые (рифма, ритм, аллитерация); 4) общеязыковые (иноязычные выражения, функционирующие в своей исходной форме); 5) комбинации сигнализаторов [1: 8–9].

С понятной корректировкой, учитывающей специфические для каждого национального языка морфологические формы и синтаксические конструкции, эта типология может быть принята в качестве универсальной.

Можно также уточнить, что среди лексических примет крылатых выражений русского языка нередко выступают разнообразными просторечные элементы, которые диссонировать с литературно правильно организованным речевым фоном (сравн.: *Ну и рожка у тебя, Шарпов!*, *Усё в порядке, шеф!*, *Тебя поведут, а ты не воруй*, *Цыпленки тоже хотят жить...* и др.). Кроме того, необходимо назвать также некоторые особенности содержания крылатых выражений, указывающие на потенциальную связь с инотекстом, например, когда их внутренняя форма сопряжена с нереальной или уникальной ситуацией: *сражаться с ветряными мельницами*; *война миров*; *всадник без головы*; *дети подземелья* и др.

Несмотря на относительность указанных признаков, именно они помогают слушающему выявить крылатые выражения: в конкретном коммуникативном акте переход из одной семантической плоскости в другую очевиден. Обычно несоответствие значения высказывания говорящего положению дел в реальной ситуации проявляется в именовании ненастоящим именем (ср. вопрос *Молилась ли ты на ночь, Дездемона?*, обращенный к женщине с любым другим именем или даже — изредка — к мужчине), в указании признаков, отсутствующих у объекта речи (ср. реплику инженера о себе: *Куда бедному крестьянину податься?*), в назывании предметов вне прямой связи с темой разговора (ср. вопрос *А был ли мальчик?* в названии книги Льва Шильникова, имеющей подзаголовок «Скептический анализ традиционной истории», или в публикации в журнале «Компьютерра», 2003 г., № 35, начинающейся так: *Весть о белорусском супермодеме, позволяющем перекачивать информацию с мегабитными скоростями по обычной телефонной линии, с быстротой молнии облетела Рунет. Однако при первой же попытке выяснить хоть какие-то подробности, касающиеся сенсационного открытия, оказалось, что изобретения скорее нет, чем есть*).

Такое несоответствие инициирует поиски слушающим объяснений, которые бы привели к сообразованию того, что подразумевает говорящий, с тем, что наблюдается в действительности и в конечном счете определяет тождество крылатых выражений, обеспечивая прагматический потенциал этих специфических фразеологических единиц.

Литература

1. *Гавриль В. И.* Крылатые выражения и их роль в обогащении фразеологического состава современного немецкого литературного языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Киев. гос. пед. ин-т иностр. языков. Киев, 1971.
2. *Дядечко Л. П.* Прагматическое самоубийство эпитимов // *Slavenska frazeologija i pragmatika: Славянская фразеология и прагматика / Urednice Ž. Fink, A. Hrnjak.* Zagreb, 2007. S. 239–244.

Гендерные особенности проявления активности в русской паремике

О. В. Золотоверхая

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Alix-avien@mail.ru

Паремия, антипословица, активность, гендерные различия

Summary. The paper is devoted to the problem of the targeting, which is regarded by psychologists as one of the most important components of activity. The research is based on the analysis of proverbs and so-called antiproverbs (the new linguistic phenomenon).

В последние 20–30 лет особое внимание в психологии и социологии уделяется гендерным различиям в поведении [2]. Естественно предположить, что такие различия находят отражение и в обыденном сознании, а значит, фиксируются и системой обиходных суждений о мире, отражаемых в proverbiallyм пространстве языка.

Именно паремии — пословицы и поговорки — являются знаками ситуаций и содержат информацию о возникающей, прогнозируемой или рекомендуемой реакции субъекта на сложившееся положение дел. В настоящее время данная функция реализуется также в так называемых «антипословицах» [1: 3–17] — современных вариантах и переделках известных русских паремий. Цель данной статьи — выявление отражения гендерных особенностей проявления активности на примере антипословиц.

В паремиях XIX века указывается на то, что женская активность ограничена домашней сферой, и признается, что именно проявление женской активности в быту обеспечивает полноценную жизнь семьи. Все остальные виды социальной активности присущи мужчине. С точки зрения носителей современного языкового сознания, женщина ограничена в сферах применения активности: (*Женщина-ученый как морская свинка: и не морская, и не свинка*). В некоторых паремиях XIX века и антипословицах женщина не только не признается равной мужчине (*Не родись красивой, а родись мужчиной*), но (пусть и в шуточной форме) не всегда считается человеком. Несмотря на это, социальную активность в современных паремиях реализуют именно женщины, так как они проявляют большую активность в труде, чем мужчины. В отличие от характеристики активности мужчин, в антипословицах чаще упоминается о том, что женщины работают больше (*Современная техника облегчает труд женщин и отдых мужчин*); причем женщины выполняют даже самую тяжелую работу (*Только женские руки могут так нежно... уложить асфальт*). Не удается женщинам отдохнуть после работы и дома. *Самая везучая на свете женщина — русская: все всегда везет на себе* — подводится итог в антипословице.

В паремиях XIX века подчеркивается особая активность женщин в конфликтах друг с другом. Основную активность в современном паремиологическом пространстве женщины проявляют по отношению к своей внешности. Забота о внешности, согласно антипословицам, необходима женщинам, чтобы «охотиться» на мужчин.

И мужчины, и женщины в равной степени проявляют межличностную активность по отношению друг к другу, причем такая активность нередко сводится к борьбе за лидерство и зачастую носит деструктивный характер. Мужчина, с точки зрения создателей как пословиц, так и антипословиц, необходим женщине для того, чтобы ругать его, делать все ему наперекор, а также обирать его. В паремиях XIX века такая активность объясняется особенностями женского характера. Несмотря на это, отношение мужского пола к женскому неоднозначно. *Как бы плохо мужчины ни думали о женщинах, они о них думают, думают, думают...*

Согласно исследованию современного proverbiallyм пространства, главное занятие современного мужчины — непрерывная погоня за женщинами. Также активность современных мужчин проявляется в обмане женщин. Для проявления других видов активности мужчинам необходима дополнительная мотивация. При этом мужчины пытаются управлять женщинами (правда, безуспешно): *Есть два способа командовать женщиной, но никто их не знает*. Женщины в этом отношении выглядят более успешными: *Этим миром управляют мужчины, управляемые женщинами*.

В паремиологическом пространстве XIX века активность женщины проявляется в домашней сфере, что представляется носителем языка значимым, и в конфликтах, что получает негативную оценку; основную социальную активность, согласно паремиям, проявляет мужчина. Проанализировав современное proverbiallyм пространство, можно сделать вывод, что в сознании носителей языка более активной представляется женщина: ее активность соответствует морально-нравственным нормам (в отличие от активности мужчин), является трудоемкой и разнообразной по сравнению с мужской активностью.

Литература

1. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. М., 2008.
2. Ильин Е. П. Дифференциальная психология мужчины и женщины. Глава 2. Гендерные стереотипы, или Мужчины и женщины в глазах общества. СПб., 2007.
3. Савенкова Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-на-Дону, 2002.
4. Савенкова Л. Б. Представление об активности и пассивности в русской паремиологии // Русский язык и активные процессы в современной речи: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. М.: Ставрополь, 2003. С. 194–196.

Валентностные свойства процессуальных фразеологизмов субкатегории социальных отношений

И. Г. Казачук

Челябинский государственный педагогический университет

avis1389@mail.ru

Валентность, валентность семантическая, валентность синтаксическая, процессуальный фразеологизм, объект

Summary. The theses the research results of the process idioms valence characteristics with semantics of social relations, of their realization on the syntactical level.

Понятие валентности как характеристики синтаксических свойств слов разрабатывалось в основном применительно к глаголам. Валентностные свойства фразеологических единиц, в том числе процессуальных, на сегодняшний день изучены недостаточно, несмотря на то что последние сопоставимы с лексемами в семантическом и грамматическом плане.

В современной лингвистике остается проблемой разграничение понятий «сочетаемость» и «валентность». Также не существует единого взгляда на определение валентности, ее типов.

В настоящей работе речь идет о синтаксической валентности, т. е. морфолого-синтаксических структурах (падежных формах зависимых существительных), реализующих семантические валентности в плане выражения, т. е. на поверхностном уровне [7: 14].

Исследуемые нами процессуальные фразеологизмы субкатегории социальных отношений являются единицами с относительным значением (по терминологии Г. Пауля, В. В. Виноградова, Г. А. Золотовой и др.). Семантическая несамодостаточность значения ФЕ создает обязательную, семантически обусловленную реализацию потенций единицы.

Субкатегория социальных отношений — сложное образование, представленное пересечением парадигматических и синтагматических рядов. Фразеологические единицы названной субкатегории являются объектными, т. е. обозначающими направленные на объект действия или проявляющиеся по отношению к объекту свойства, признаки, состояния и т. п. В значении объектных глаголов и ФЕ, по мнению А. М. Чепасовой, входит сема релятивности, которая эксплицитно выражается именем в одном из косвенных падежей [8: 22].

Валентность процессуального фразеологизма представляет собой способность единицы иметь при себе некоторое количество зависимых форм, соответствующих по своим семантико-грамматическим свойствам форме и значению данного фразеологизма. Валентность предопределяет синтаксические позиции, которые занимают зависимые словоформы, и семантические функции (объект, инструмент, делибератив, адресат и т. д.), которые они будут выполнять в словосочетании и предложении.

В субкатегорию социальных отношений входят процессуальные фразеологизмы с семантикой победы и поражения, подчинения, управления, защиты, помощи, влияния и под. Их семантическая валентность предполагает определенный набор «участников» ситуации [2: 16], обозначаемой процессуальной единицей. Прежде всего это объект (одушевленный объект, объект-лицо, личный объект) номинируемого отношения: *брать / взять верх над кем-либо, одерживать / одержать победу над кем-либо, заткнуть за пояс кого-либо, уложить на обе лопатки кого-либо, наносить / нанести поражение кому-либо, утирать / утереть нос кому-либо* и др. *Над людьми любите верх брать, а сами им хотя и не хотите, но подчиняетесь* (А. Куприн). Как видно из приведенных примеров, семантическая позиция объекта социального отношения (в данном случае победы, превосходства) занята разными падежными и предложно-падежными формами, т. е. синтаксическая валентность неодинакова у единиц одного семантического объединения.

Кроме объекта-лица, в ситуации, представляемой процессуальным фразеологизмом, может присутствовать компонент лимитатив [4: 317], обозначающий сферу область, пределы осуществления, реализации действия, признака, состояния, отношения и т. п.: *одерживать / одержать победу над кем-либо в чем-либо; утирать / утереть нос кому-либо в чем-либо; оказывать / оказать помощь кому-либо в чем-либо; оказывать / оказывать поддержку кому-либо в чем-либо; приходить / прийти на помощь кому-либо в чем-либо; протягивать / протянуть руку (помощи) кому-либо в чем-*

либо; подставлять / подставить плечо кому-либо в чем-либо и др. *Как признает теперь печать США, американцы одержали победу в сухопутной кампании над необученными призывниками и гражданским населением Ирака* (Правда). *В футболе, однако, берет верх не тот, кто вообще сильнее, а кто сильнее в этот день, в этот час* (Футбол). *Жители Тулы оказали нашим войскам большую помощь в срочном пошиве обмундирования, ремонте оружия и боевой техники* (Г. Жуков). В плане выражения данная семантическая валентность реализована посредством формы предложного падежа.

Участник ситуации, имеющий значение способа, средства действия — медиатив [4: 233], в конструкциях с процессуальными фразеологизмами представлен преимущественно формой творительного падежа без предлога: *оказывать / оказать помощь кому-либо чем-либо; развязывать / развязать руки кому-либо чем-либо; связывать / связать руки кому-либо чем-либо; привлекать / привлечь внимание к кому-, чему-либо чем-либо* и др. *На совещании было решено оказывать помощь СССР поставками вооружения и стратегического сырья* (В. Трухановский). *Рандольф сразу же привлек к себе внимание дерзкими выступлениями* (В. Трухановский). *...он чувствовал, как следовательно берет над ним перевес своим профессиональным бесстрашием* (Д. Мамин-Сибиряк).

Для процессуальных фразеологизмов субкатегории социальных отношений обязательна объектная валентность, среди них отсутствуют авалентные и одновалентные единицы, т. о. семантика и валентность ФЕ находятся в тесной взаимосвязи.

Литература

1. Долгов Ю. С. Словосочетание как грамматическая категория — тип валентности. Могилев, 1993.
2. Дубровина Л. Вариативное глагольное управление в русском языке первой трети XIX века. Uppsala, 2002.
3. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса. М., 1973.
4. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 2006.
5. Кацнельсон С. Д. К понятию типов валентности // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 20–32.
6. Панкратова С. М. Валентность и управление // Вестник ЛГУ. Сер. 2. История. Языкознание. Литературоведение. 1986. Вып. 3. С. 53–58.
7. Ферм Л. Вариативное беспредложное управление в русском языке XVIII века. Muddinge, 2005.
8. Чепасова А. М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов. Челябинск, 1983.

Важнейшие семантические особенности эмотивной фразеологии в русском языке XVIII–XIX вв.

Л. А. Калимуллина

Башкирский государственный университет (Уфа)

lustauf@rambler.ru

Историческая семантика, эмоции, фразеология

Summary. The paper is devoted to investigation of the most important semantic traits of the emotive idioms in Russian language of the XVIII–XIX-th c.

В рассматриваемую эпоху происходят весьма интенсивные количественные и качественные преобразования семантического поля эмотивности: в числе первых можно назвать синхронные процессы утраты определенной части его исходного состава и вхождения в лексико-фразеологическую систему языка новых наименований эмоций; в числе вторых — закономерные семантические изменения данных единиц. Так, увеличение числа эмотивов и их семантическое усложнение были обусловлены как внеязыковыми, так и внутриязыковыми факторами. Наиболее значимым среди первых можно считать произошедший в XVIII–XIX вв. мировоззренческий переворот в общественном сознании, результатом чего является своеобразное «открытие» человека, постижение сложностей его внутреннего мира. К числу внутриязыковых факторов, влияющих на изменение количественных характеристик эмотивных единиц, относится усиленное (до избыточности) обогащение словаря с помощью различных способов номинации, которое ведет к множественности тождествен-

ных обозначений и широкой синонимии лексико-фразеологических средств. В XVIII–XIX вв. усиливается тенденция к аналитизму, в результате чего в состав поля эмотивности активно входят многочисленные глагольно-именные перифразы типа *чувствовать страх (расположение), звать страх (стыд, жалость), возбуждать любовь (ненависть, отвращение, зависть)* и т. д., а также фразеологические единицы, имеющие идиоматический характер. Резкое увеличение устойчивых сочетаний с эмотивной семантикой можно объяснить тем, что многие из них впервые фиксируются именно в лексикографических источниках анализируемой эпохи, хотя в действительности они, вероятно, функционировали и ранее, например, в живой речи, которая находит неполное отражение в словарях (особенно если иметь в виду древнерусскую эпоху). С семантической точки зрения среди анализируемых единиц выделяются три группы:

1. Узуальные и окказиональные сочетания глагольных и именных эмотивов, а также предикатов во вторичном зна-

чений с метонимическими существительными, символизирующими эмоциональные процессы, например *сердце, душа, дух* и т. п.: *на душе легко (тяжело)* 'спокоен и весел (озабочен и грустен)', *веселиться душой (сердцем), вмѣщать радость (скорбь) в сердце (душе), сердце (душа, кровь) загорелось* чем от чего 'возбудиться (о чувстве)', *зажечь сердце (дух, кровь)* 'возбудить, возмутить, распалить', *коснуться сердца (к сердцу, души)* 'пробудить, задеть какие-л. чувства' и мн. др. Многие из этих оборотов восходят к символическому книжно-письменному языку предшествующих эпох, в силу чего им свойственна функционально-стилистическая прикреплённость, употребление в качестве риторических формул. В основе данных фразеологизмов лежит весьма продуктивный метонимический принцип вербализации чувств, который представляет собой особый способ ментального освоения человеком мира, когнитивный механизм, позволяющий ему переходить в своем сознании от частного к общему, от конкретных явлений окружающей действительности к абстрактным сущностям и категориям (Г. И. Берестнев). При этом отмечается превалирование ФЕ с компонентом *сердце*, которое свидетельствует о том, что данной лексеме отводится ведущая роль в символической репрезентации эмоций. Как справедливо отмечает Е. В. Урысон, душа — это невидимый, нематериальный орган, который представляет собой средоточие внутренней жизни человека, всего первостепенно важного для данной личности. Сердце же в отличие от души является лишь органом чувств и связанных с ними желаний человека, но не его внутреннего мира в целом; ср.: *с сердцем* 'сердито, с раздражением', *дарить сердце* кому 'любить', *размягнуть чье сердце (чувства)* 'побудить к милосердию, состраданию', *взять за сердце* 'рассердить, разгневать кого-л.', что-л. *заскребло по сердцу* кого 'перен. вызвало неприятное, беспокойное чувство' и т. д. На наш взгляд, отмеченный выше метонимический принцип может быть распространен и на те фразеологизмы, которые в образной форме интерпретируют эмоциональные явления путем «отсылки» к физической ипостаси человека. Так, многие эмотивные идиомы отражают процесс образной символизации таких составляющих «внешнего» человека, как: 1) **части тела** (голова, грудь, живот, конечности и т. д.), **лица** (глаза, уши, губы, зубы и т. п.): *голова кружится* '2. о смятении, волнении', простонар. *живот замирает, колѣни дрожат (трепецуют, подгибаются, затрясаются), распустить (отвѣснуть, повѣснуть, развѣснуть) губы* 'опечалиться, огорчиться', *душа в зубах* 'о чувстве страха' и т. п.; 2) **органы** (кишки, жилы и т. п.): *все жилки забились (затрепетали, дрожали)* в ком 'о сильном волнении', *жилы хладнеют* 'о чувстве сильного испуга, страха, ужаса', *огонь (пламя) течет (пылает) в жилах* 'о сильней-

шем волнении' и т. д.; 3) **жидкие субстанции** (кровь, желчь и т. д.): *кровь кипит (горит, волнуется, бродит)* в ком 'о возбужденном состоянии', *заморозить кровь* в ком 'вызвать у кого-л. сильный испуг', *взволновать кровь* 'вывести из душевного равновесия' и др. В народных представлениях кровь — средоточие и символ жизни, субстанция жизненной силы, обиталище души, которая имеет многообразные ритуально-магические функции, прежде всего продуцирующие; при этом кровь живого человека воспринимается как одушевленная субстанция (Славянские древности). Данные фразеологизмы отражают представления, характерные для первобытной магии, в которой отмеченный выше метонимический принцип осмысления явлений действительности играл чрезвычайно важную роль. Так, предметы, каким-либо образом связанные с человеком, рассматривались как репрезентанты самого человека, и чем теснее эта связь, тем сильнее влияние, оказываемое через вещь на человека (Г. И. Берестнев). К примеру, сердцу, печени, почкам, глазам, жиру, костному мозгу приписывалась способность мистическим образом воздействовать на тех, кто их ест; мистической силой наделялись также отверстия тела, волосы, обрезки ногтей, кровь и т. п. (Л. Левин-Брюль).

2. Метафорический характер носят сочетания именных (реже — адекативных) эмотивов с предикатами движения, чувственного восприятия, акциональными предикатами и т. д., употребленными во вторичном значении, результатом чего является одушевление чувства либо его опредмечивание, например: *дышать злобой, водить любовь, растаять в нежностях* 'умиляться', *быть в диво* 'удивлять, удивляться', *диву даться* 'изумиться', *закричь гнѣвом (страхом, жалостью) вкрадываться в любовь, достать любовь* 'добиться любви' и т. д.

3. Довольно большую группу составляют идиомы, не содержащие эмотивных лексем и в образной форме воссоздающие ситуацию переживания тех или иных эмоций: <точно> *ангелы на душиѣ поют*, поэт. *водить лики (хор, хоры), пить горькую чашу, быть в трансах, праздновать трусу* 'робеть, бояться, страшиться', *трястись что Каин, дрожать (трястись) как осиновый лист (как лист на осинѣ), глотать пилюлю* 'не проявлять неудовольствия, скрывать чувство обиды, стыда и пр.', *держат камень (камешек) за пазухою (в пазухѣ), опустить (повѣснуть) крылья* 'опечалиться; отступить', *влепить репья* кому 'сделать досаду' и др.

Таким образом, «наивно-языковые» образы эмоций, лежащие в основе внутренней формы рассмотренных эмотивных фразеологизмов, отражают некоторые традиционные представления о внутреннем мире человека, которые были характерны для периода формирования национального языка.

Жестовые идиомы и жесты: типы соответствий (на материале русских идиом со значением печали, сожаления, уныния)

А. Д. Козеренко

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

akozerenko@mail.ru

Семантика идиом, толкование идиом, жестовые идиомы, жесты, многозначность идиом

Summary. The paper considers semantic analysis of Russian idioms, depicting a gesture in their inner form. The relationship between the meaning of a gesture and the one of the corresponding idiom is examined, as well as polysemy and synonymy relations between idioms, corresponding to the same or different gestures. Definitions of some idioms of the semantic field SADNESS, REGRET, DESPONDENCY are demonstrated. Statements made on semantics of idioms are illustrated with numerous examples of idiom usage in contemporary texts.

Идиомы, в основе которых лежат жесты, мы называем жестовыми. Но насколько далеко значение идиомы может отойти от значения изначально соответствовавшего ей жеста? Могут ли от одного жеста быть образованы несколько идиом? Всегда ли в основе разных значений одной жестовой идиомы лежит один и тот же жест? Какие семантические отношения связывают единицу языка жестов — жест — и несколько единиц естественного языка — образованных от него жестовых идиом? И как эти отношения фиксируются при описании идиом в толковом словаре?

Начнем с того, что сама номинация жеста в естественном языке является идиомой. Действительно, если исходить из операционального определения идиомы как устойчивого и идиоматичного словосочетания (см. подробнее об опреде-

лении идиомы в [2]), мы увидим, что номинация жеста удовлетворяет этим условиям. Так, жест *постучать по плечу* невозможно обозначить словосочетаниями *потрогать за плечо* или *стукнуть по плечу*, а выражение *потрепать по плечу* будет обозначать уже совсем другой жест.

Значение таких идиом-жестовых номинаций будет почти полностью совпадать со значением жеста, кроме того, что при описании единицы естественного языка будет дана ссылка на соответствующую единицу языка жестов. При этом сам жест может быть многозначным, и, соответственно, его номинация сохранит эти несколько значений, ср. идиому *качать головой*, обозначающую печаль, неодобрение или сочувствие. Жест также может иметь несколько номинаций, ср. идиомы *поникнуть головой, повесить голо-*

ву, понурить голову, а также идиомы *делать большие глаза, делать круглые глаза, делать квадратные глаза*, разным способом описывающие симптом страха, и идиому *делать страшные глаза*, описывающую жест-квазиконверсив со значением 'пугать' (см. об этом в [6]).

Идиома может иметь несколько значений, восходящих к разным жестам. Так, идиома *развести руками*, восходящая к одноименному жесту (см. его описание в [4]), может обозначать сожаление (по поводу невозможности изменить ситуацию к лучшему), удивление / недоумение или незнание ответа на заданный вопрос. Однако у этой идиомы есть и четвертое значение — 'отвечать отрицательно на вопрос о наличии чего-л.' — восходящее к жесту, который можно было бы назвать просторечным словом *нету*.

Помимо простых жестовых номинаций, есть также большое количество идиом, являющихся более сложными дериватами жестов (ср. описание жеста и идиомы *хлопнуть дверью* в [5]). Связь между значениями жеста и идиомы в таком случае не непосредственная (значение жеста целиком включается в значение идиомы), а более сложная и опосредованная (см. об одном типе таких связей также в [5]).

В настоящей работе рассмотрены жестовые идиомы семантического поля ПЕЧАЛЬ, СОЖАЛЕНИЕ, УНЫНИЕ. На примере толкований этих идиом будут проиллюстрированы

разнообразные типы соответствий жеста и жестовой идиомы, случаи многозначности жестовой идиомы, при которой разные значения идиомы восходят к разным значениям одного жеста или к разным жестам, а также случаи синонимии, когда несколько идиом восходят к одному жесту.

Литература

1. Баранов А. Н., Вознесенская М. М., Добровольский Д. О., Киселева К. Л., Козеренко А. Д. Фразеологический объяснительный словарь русского языка. М., 2009.
2. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М., 2008.
3. Баранов А. Н., Добровольский Д. О., Киселева К. Л., Козеренко А. Д. при участии Вознесенской М. М., Коробовой М. М. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / Под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. М., 2007.
4. Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. Словарь языка русских жестов. Wiener Slavistischer Almanach, Sonderband. 49. М.; Вена, 2001.
5. Козеренко А., Крейдлин Г. Русские жесты и русские фразеологизмы II (тело как объект природы и тело как объект культуры) // Фразеология в контексте культуры: Сб. работ / Ред. В. Телия. М., 1999. С. 269–277.
6. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М., 2002.

Авторская «самодефиниция» как один из этапов семантического анализа паремий (на материале текстологии Л. Н. Толстого)

О. В. Ломакина

Московский институт иностранных языков

rusoturisto07@mail.ru

Фразеология писателя, паремия, семантизация, авторская «самодефиниция»

Summary. This paper continues the researching of L. N. Tolstoj's phraseology. The work deals with special method of understanding of semantic content of idioms paremiaes is examined — author's «samodefinition» in text.

При изучении фразеологии языка писателя внимание исследователей привлекают различные способы трансформации и особенности употребления писателем фразеологических ресурсов языка (фразеологизмов, паремий, крылатых единиц и др.), при этом наибольший интерес вызывают окказиональные преобразования.

Лексикографическое описание фразеологического корпуса, извлеченного методом сплошной выборки из текстологии писателя, предполагает толкование каждой единицы. Анализ фразеологического значения (семантический анализ) является одним из важных элементов изучения семантики фразеологизмов.

Как показали исследования фразеологии Л. Н. Толстого, писатель использует различные виды семантических преобразований, в результате которых фразеологизмы приобретают дополнительный семантический оттенок, подвергаются переосмыслению, меняется коннотативное содержание фразеологизма, фразеологизмы включаются в состав сравнительного оборота, на базе фразеологизмов образуются окказиональные слова.

Семантическим преобразованиям подвергаются и паремии. Л. Н. Толстой прибегает к семантизации (авторской «самодефиниции» — термин А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко), особому способу раскрытия смыслового содержания паремии в тексте: — *В тесноте, да не в обиде*, — сказал певучим голосом улыбающийся Тарас и, как перышко, своими сильными руками поднял свой двухпудовый мешок и перенес его к окну. — Места много, а то и постоять можно, и под лавкой можно. Уж на что покойно. А то вздорить! — говорил он, сияя добродушием и ласковостью («Воскресение»).

— Это как есть, — певучим голосом говорила сторожиха. — *Бедному жениться и ночь коротка*, богатому только задумал, загадал, — все тебе, как пожелал, так и сбывается. У нас такой, касатка, почтенный, так что сделал... («Воскресение»).

В некоторых случаях значение единицы, раскрывающееся через авторское толкование, может и не совпадать с тем, которое имеет данная паремия в языке. Например, узуальное значение пословицы *Дело середкой крепко* — 'самое главное, существенное в любом деле — середина'. Толстой толкует эту пословицу иначе: *Дело середкой крепко. И начать легко и доделывать легко. А вот середка!* (Письмо

Л. Л. и Т. Л. Толстым 6 марта 1894 г.) — т. е. 'самое трудное, мучительное — середина'.

В следующем примере писателю требуется уточнить значение слова *размашистость*, для этого он использует часть паремии *море по колено* (Ср.: *Пьяному море по колено, а лужа по уши*) и фразеологизм *трын-трава*: *Губернская жизнь в 1812 году была точно такая же, как и всегда, только с тою разницею, что в городе было оживленнее по случаю прибытия многих богатых семей из Москвы и что, как и во всем, что происходило в то время в России, была заметна какая-то особенная размашистость — море по колено, трын-трава в жизни, да еще в том, что тот пошлый разговор, который необходим между людьми и который прежде велся о погоде и об общих знакомых, теперь велся о Москве, о войске и Наполеоне («Война и мир»).*

В следующем примере паремия *Москва не сеет, не жнет, а богато живет* употребляется наряду с другими однородными придаточными предложениями, в которых содержится писательское видение (в *Москве всего много, только в Москве можно добыть... деньги*). Кроме того, Толстой частично дополняет значение паремии, напоминая, что в *деревне источник всяческого богатства*:

Вспоминаю все сотни и тысячи людей городских, — и хороши живущих, и бедствующих, — с которыми я говорил о том, зачем они пришли сюда, и все без исключения говорят, что они пришли сюда из деревни кормиться, что Москва не сеет, не жнет, а богато живет, что в Москве всего много и что потому только в Москве можно добыть те деньги, которые им нужны в деревне, на хлеб, на избу, на лошадей, на предметы первой необходимости. Но ведь в деревне источник всяческого богатства, там только есть настоящее богатство: и хлеб, и лес, и лошади, и все. Зачем же идти в город, чтобы добыть то, что есть в деревне? И зачем, главное, увозить, из деревни в город то, что нужно деревенским жителям, — муку, овес, лошадей, скотину? («Так что же нам делать?»).

Примечательно, что Л. Н. Толстой не только создает «самодефиницию» паремии, но и использует для уточнения значения паремии другие прецедентные тексты. Например:

Вино не придает ни здоровья, ни сил, ни тепла, ни веселья, а приносит людям только большой вред. И потому, казалось бы, следовало всякому разумному и доброму чело-

веку не только самому не употреблять пьяные напитки и не угощать ими, но и всеми силами стараться уничтожит привычку употребления этого бесполезного и вредного яда.

Но, к несчастью, происходит совсем не то. Люди так дорожат старинными привычками и обычаями, с таким трудом отвыкают от них, что есть в наше время очень много хороших добрых и разумных людей, которые не только не оставляют употребления и угощения других пьяными напитками, но еще и защищают, как умеют, это употребление.

«**Не укоризненно вино**, — говорят они, — **а укоризненно пьянство**». Царь Давид сказал: «Вино веселит сердце человека». «Если бы не пить, то не было бы правительству самого главного дохода. Нельзя же встретить праздник, справить крестины, свадьбу без вина. Нельзя не выпить при покупке, продаже, при встрече дорогого гостя». «При нашей работе и нужде нельзя не выпить», говорит бедный рабочий человек. «Если мы пьем только при случае и с умом, то мы этим никому вреда не делаем», — говорят достаточные люди. «Руси веселие есть питу», — сказал еще князь Владимир. «Мы своим выпиванием никому вреда

не делаем, кроме себя. А если делаем вред себе, то это дело наше; мы никого не хотим учить и никем не хотим быть поучаемы; не нами это началось, не нами и кончится», — говорят легкомысленные люди («Воскресение»)

Позволим себе дополнить высказывание А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко о том, что «Принципы толкования смыслового содержания фразеологических единиц в художественном тексте нуждаются в специальной разработке». Этой работы требуют и фразеологизмы, употребляющиеся в публицистическом стиле, особенно пословицы и поговорки, поскольку в большей части словарей фиксируются наиболее употребительные паремии в художественном и публицистическом текстах XIX и XX вв., но не приводятся значения паремии. Нам представляется, что авторская «самодефиниция» может использоваться в писательской лексикографии, дополняя общеязыковые сведения о фразеологизмах (в т. ч. пословицах и поговорках).

Литература

1. Мелерович А. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. Кострома, 2008.

Реализация абстрактных имен в пословичном фонде

Е. В. Маркелова

Новосибирский государственный технический университет
emarkel@yandex.ru

Абстрактные имена, семантико-синтаксический анализ, пословицы

Summary. The paper deals with the representation of abstract concepts in proverbs. The author presents a semantic analysis of proverb's propositions with predicates and actants, which are expressed in abstract words.

Трудности, возникающие при толковании абстрактного имени, обусловлены сложностью его системы значений, метафоричностью его текстовых реализаций, национальной спецификой понятий. Анализ контекстов употребления абстрактных имен часто интроспективен. Мы остановимся на анализе пословичных массивов, содержащих абстрактные имена. Пословичный массив характеризуется качествами естественно сложившегося корпуса мини-текстов, обладающих культурной ценностью и отражающих национальную специфику определенного этноса.

Наиболее значимые для отдельного этносоциума знания и опыт фиксируются в определенных (конкретных) онтологических ситуациях, которые описываются соответствующими высказываниями. Далее происходит процесс генерализации этих ситуаций, что приводит к превращению данных высказываний в знаки ситуаций, в пословицы [2].

1. Семантико-синтаксический анализ пословиц с абстрактными именами

1. Семантико-синтаксический анализ пословичного массива, вербализующего лингвокультурологические концепты «Труд» и «Лень», проведенный нами с помощью метода семантико-синтаксического структурирования моделей предложений [1], [3], позволяет сделать вывод, что абстрактные ментальные понятия осваиваются с позиций уже существующей системы конкретных явлений.

2. Исследование русских пословиц о труде и лени дает возможность предположить, что первоначально с помощью пословиц были закреплены следующие онтологические ситуации: 1) связанные с характеристикой конкретных видов трудовой деятельности как результативных / нерезультативных: *Кто пахать не ленится, у того и хлеб родится* [Даль]; 2) связанные с характеристикой образа действий работника / лентяя: *Жнея плачет, печка скачет* [Мартынова]; 3) связанные с календарными сельскохозяйственными работами: *В августе у мужика три заботы: и косить, и пахать, и сеять* [Мартынова]; 4) описывающие поведение животных, птиц, похожие на деятельность человека по обработке почвы, сбору плодов: *Понурая свинка глупок корень роет* [Даль]; *Червяк и тот землю роет* [Мартынова]; *Пчела далеко за каплей летит* [Мартынова].

3. Перечисленные ситуации репрезентированы в пословицах с помощью конкретной лексики, а именно: с помощью глаголов со значением акциональных действий разных видов, среди которых преобладают значения, связанные с обработкой и / или рытьем земли, а также очищением и / или удалением.

4. Мы полагаем, что на следующем этапе конкретные виды трудовой деятельности стали осмысляться как особый вид деятельности, что привело к необходимости закрепить представление об обобщенных ситуациях с помощью глаголов с абстрактным значением: *делать, трудиться, работать*. Ср.: *Делавши смеялись, а сделавши плачем* [Мартынова]; *Что потрудимся, то и поедим* [Даль]; *Так работаем, что недосуг нос утереть* [Даль] *Труд человека кормит, а лень портит* [Даль]. Развитие абстрактных значений из конкретных подтверждают этимологические данные (см. словарь В. И. Фасмера, П. Я. Черных), а также данные словарей В. И. Даля и И. И. Срезневского.

5. Наряду с глаголами с абстрактным значением появляются имена *дело, труд, работа*: *Дело учит, и мучит, и кормит* [Даль]; *Труд человека кормит, а лень портит* [Даль]; *Работа силушку копит, а лень ее топит* [Мартынова].

6. Эти имена различаются по степени конкретизации / генерализации, так как в одних случаях имеется в виду конкретные виды трудовой деятельности (*Побить да подуть, вскочить да поточить, а дел нету* [Даль]), а в других — генерализованное представление о трудовой деятельности (*Дело заделано, надо доделывать* [Мартынова]).

2. Семантические роли типа пациенс и сирконстантные роли

1. Конкретные виды трудовой деятельности или «результаты» состояния бездействия, описанные в онтологических ситуациях, могут обозначаться абстрактными именами. При этом последние занимают в пословичных пропозициях семантические роли типа пациенс и сирконстантные роли.

2. Роли типа пациенс, передаваемые абстрактными именами: 1) объектив: *Девушки на вечерки с работой пришли, а с вечеров пошли и работ не нашли!* [Даль]; 2) активив со значением конкретизированного процесса, включающего виды деятельности: *Сер мужичок, да сердит на работы* [Даль, послов.]; 3) результатив: *Ходил за делом, а пришел с бездельем* [Даль].

3. Сирконстантные роли, выполняемые абстрактными именами в пословицах о труде и лени: 1) каузатив: *От работы и лошади дохнут* [Жуков]; 2) кондитив: *Без работы день годом станет* [Мартынова]; 3) ситуатив (место + время): *В субботу на работу, в воскресенье на веселье* [Мартынова]; 4) финитив: *Человек рожден на труд* [Даль]; 5) медиатив со значением качественной характеристики действия: *Всякое умение трудом дается* [Мартынова]; 6) способ осуществления действия: *Работой не выробишь, так рядой не вырядишь* [Даль, послов.].

3. Семантические роли субъектного типа

1. Во втором случае (генерализации трудовой деятельности) мы имеем дело с актантами субъектного типа. Мы наблюдаем следующие онтологические ситуации: 1) связанные с экзистенцией: *Была бы охота, а впереди еще много работы* [Даль, послов.], а также с осуществлением процесса (совмещенный предикат осуществления и качественное признака: *С песней и труд спорится* [Мартынова]); 2) характеристики трудового процесса: а) с помощью тавтологического качественного признака (*Игра игрою, а дело делом* [Снегирев]); б) с помощью качественного признака с дополнительным оценочным значением: *Дело делу рознь, а иное хоть брось* [Даль, Мартынова]; в) с помощью качественитативного признака временной протяженности процессов: *Делу время, а потехе час* [Снегирев, Даль]; г) стоимостного признака: *Хорошему делу — красная цена* [Мартынова]; д) характеризационного-оценочных признаков: *Дело во время — не берем, а дело без время — несносное время*. [Мартынова]; 3) ситуации идентификации: *На себя работа — не барщина* [Даль].

4. Осмысление абстрактных имен с помощью образных комплексов

1. В пословичном массиве встречаются также пословицы, в которых генерализованные представления трудовой дея-

тельности, выраженные именами *труд, дело, работа*, осмысляются с помощью образных комплексов, наделяются свойствами человека, предмета, животного, растения: (*Труд человека кормит, а лень портит* [Даль] (как человек); *Всякое дело о двух концах* [Мартынова] (как палка); *Что дело, дело не сокол — не улетит* [Даль] (как птица); *Работы столько, что куры не клюют* [Даль] (как зерно). В этих случаях мы наблюдаем процессы олицетворения, метафоризации, сравнения, т. е. абстрактные понятия осмысляются с помощью конкретных реалий.

Таким образом, в пословичных пропозициях абстрактные имена занимают семантические позиции, которые ранее заполнялись конкретными именами, абстрактные имена «вырастают» из конкретных. При этом используется уже готовая национально и культурно обусловленная понятийная система.

Литература

1. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М., 2000.
2. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. М., 1988.
3. Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2002.

Язык русских пословиц и поговорок первой половины XVIII века: на материале Сборника бывшей Петровской галереи и Сборника А. И. Богданова

Д. А. Мартянов

Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина

gaplolog@mail.ru

Паремия, историческая лингвогеография, паремиография

Summary. The paper is devoted to the results of the research of the language of the Russian proverbs and sayings of the first half of the 18-th c.

Сборник пословиц бывшей Петровской галереи и Сборник А. И. Богданова входят в состав формируемого в Казанском университете компьютерного фонда русских пословиц и поговорок. В настоящее время подфонд паремий конца XVII — первой половины XVIII века включает материалы девяти рукописных собраний пословиц и поговорок.

СПГ и СБ, датируемые первой половиной XVIII века, относятся к первому этапу в истории собирания русских пословиц и поговорок. Более ранние периоды дают нам лишь отрывочные и скудные сведения, а первые специальные публикации пословиц в русской печати относятся к 1769–1770 гг.

Судя по составу сборников пословиц, первые русские паремиологи, как и их поздние преемники, были склонны трактовать понятие «пословица» широко. Помимо собственно пословиц и поговорок, в сборниках встречаются крылатые выражения, народные сравнения. Например, *Лает, как собака* # СБ–11:2; *Любовь слепа* # СБ–11:352; *Молва народная* # СБ–12:149; *Мотай на ус* # СБ–12:65; *На пару слов* # СБ–13:147 и др.

В сборниках отмечены случаи повторов пословиц. Особый интерес представляют варианты пословиц и поговорок: *Из одного места да семеры вести* # СБ–9:103 и *Из одного места, да не одни вести* # СБ–9:104; *К милому 7 верст — не околица* # СБ–10:246 и *Недалеко к милому и 7 верст* # СБ–5:18 и др.

Как показал анализ, текст СПГ содержит 987 паремий, 6169 словоупотреблений (текстовых слов); текст СБ содержит 4664 паремии, 25033 словоупотребления (текстовых слова).

Квантитативный анализ показал, что по количеству паремий СБ превосходит СПГ более, чем в 4,5 раза, но уступает в 2 раза по такому показателю, как богатство списка слов (отношение объема списка слов к общему количеству текстовых слов). Это связано с тем, что в Сборнике Богданова очень много вариантов пословиц. Некоторые пословицы зафиксированы в трех-четыре варианта.

В ходе проведенного анализа были выявлены самые частотные слова в СПГ и СБ по частям речи. Например, в СПГ самые частотные имена существительные — *ум* (26 словоупотреблений), *люди* (21), *рука* (20), *друг* (18), *хлеб* (17).

Анализ тематического распределения лексики выявил наиболее употребительные тематические группы, представленные в текстах СПГ и СБ: «Временной отрезок», «Погода», «Характеристика земной поверхности», «Растительный мир», «Виды животных» и др.

Основную часть среди онимов, зафиксированных в паремиях первой половины XVIII века, составляют антропонимы. Нередко в пословицах и поговорках антропимом употребляется в своей народной, разговорной или просторечной форме (например, *Антипа* — разг. к Антип, *Никола* — народн. к Николай). В паремиях также представлены и производные имена (например, *Гаврилко*, *Гришка*, *Иваика*, *Савка* и др.).

Вторую группу составляют топонимы (названия городов, рек, стран и т. д.), например: *Арбат*, *Волга*, *Дон*, *Египет*, *Италия* и др. В СПГ и СБ также зафиксированы имена прилагательные, образованные от антропонимов и топонимов, например: *ананьин*, *брянский*, *донской* и др.

Сборники паремий раннего периода входят в число источников исторических словарей русского языка: «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (С17); «Словаря русского языка XVIII века» (С18); «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков».

Сравнительный анализ лексики русских пословиц и поговорок первой половины XVIII века с данными словарей, описывающих материалы XVIII века и раннего периода показал, что часть единиц и их вариантов, зафиксированных в текстах СПГ и СБ, отсутствуют в основных исторических словарях русского языка (С18 и С17).

В «Словаре русского языка XVIII века» отсутствуют следующие лексические единицы: *бесконный* (ср.: С17: Б. ¹, Б. ^{II} 'не имеющий коня') — *Безконной и в Цареграде неш* # СБ–2:50; *боложить* (ср.: С17: *боложити* 'ублажать, угождать') — *Хто ворожит — себе боложит* # СПГ–21:37.

Проведенный анализ показал, что в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» отсутствуют следующие слова из числа зафиксированных в СПГ и СБ: *ошибка*, *переродиться*, *перетянуть*, *пляска*, *повадный / поводный*, *поджимать* и др.

Сборники русских пословиц первой половины XVIII века дают интересный материал для того, чтобы проследить процесс становления пословицы, увидеть, как постепенно

«оттачивалась» пословица, приобретая сжатость, художественный лаконизм и метрическую четкость. Ср.: *На молоке обжегся — и на воду станешь дуть* # СПГ–13:24 и *Обжегшись на молоке, дует на воду* [1];

Основным практическим результатом работы является «Словарь языка русских пословиц и поговорок конца XVII — первой половины XVIII века» [СЯРПП (СПГ), СЯРПП (СБ)].

Макроструктура словаря включает в себя следующие разделы:

1. Конкорданс.
2. Обратный словоуказатель.
3. Частотный словоуказатель.
4. Алфавитно-частотный словоформоуказатель.
5. Обратный словоформоуказатель.
6. Частотный словоформоуказатель.
7. Квантитативные характеристики.

Основные статьи конкорданса содержит следующие информационные зоны:

1. Заголовочная единица.
2. Варианты заголовочной единицы.
3. Частота заголовочной единицы.
4. Словоформы.
5. Частота словоформ.

6. Примеры употребления (пословицы и поговорки).

7. Адрес паремии.

8. Справочная часть.

9. Производные слова.

Интернет-версия словаря размещается на сайте Казанского университета (www.klf.ksu.ru).

Литература

1. Мокшенко В. М., Ермолаева Ю. А., Зайнулдинов А. А. и др. Словарь русских пословиц: около 1000 единиц / Под ред. В. М. Мокшенко. М., 2007.
- СБ — Сборник пословиц А. И. Богданова // Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков / Изд. подг. М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. М.; Л., 1961. С. 65–118.
- СПГ — Сборник пословиц б. Петровской галереи // Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков / Изд. подг. М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. М.; Л., 1961. С. 23–39.
- СЯРПП (СПГ) — Галиуллин К. Р., Мартыанов Д. А. Словарь языка русских пословиц и поговорок конца XVII — первой половины XVIII века: Сборник пословиц Петровской галереи. Казань, 2006.
- СЯРПП (СБ) — Галиуллин К. Р., Мартыанов Д. А. Словарь языка русских пословиц и поговорок конца XVII — первой половины XVIII века: Сборник пословиц А. И. Богданова. В печати.

Фразеологические средства репрезентации состояния человека в русском, украинском и белорусском языках

Е. Н. Морозова

Московский педагогический государственный университет

moren70@mail.ru

Фразеологическая картина мира, концепт, концептосфера, когнитивная модель

Summary. The report is devoted to the problem of conceptual explanation of mental state by means of idioms. The peculiarities of phraseological picture of the world, the basic cognition models are described here. Contrasting research of the world linguistic views based on the material of the East-Slavonic languages is conducted and the ethnic originalities of the last are revealed.

1. Особенности фразеологической картины мира. Современная лингвистика развивается в направлении когнитивных исследований языка, изучение языковой картины мира в настоящее время все больше входит в сферу научных интересов многих лингвистов. На первый план в языкознании вышла антропоцентрическая парадигма, сущность которой заключается в том, что языковые единицы изучаются в аспекте их роли в жизни человека, с учетом категорий, являющихся наиболее важными в развитии языковой личности. С позиций антропоцентрической парадигмы, человек познает мир через осознание себя, своей деятельности в нем (см. [1]; [4]).

В современной науке о языке накоплен значительный опыт в исследовании концептов, имеется большое количество работ, решающих задачи всестороннего описания внутреннего мира человека. Учеными-лингвистами на примере нескольких ключевых концептов показаны базовые категории и особенности репрезентации разных явлений внутренней сферы человека: [2]; [3]; [5]; [7]. Тем не менее концептуальное моделирование целостного языкового образа человека требует глубокого и серьезного изучения.

Общепризнанно, что в создании языковой картины мира наряду с лексическими единицами активно участвуют и фразеологические единицы. В отличие от лексики, фразеология «отображает по преимуществу обиходно-эмпирический, исторический и культурный опыт языкового коллектива, связанный с его культурными традициями» [6: 73]. Некоторые лингвисты, исследуя языковые репрезентации концептов, склонны не делать различий между лексической и фразеологической идеографией. Однако такое отождествление чревато опасностью искажения фразеологической картины мира.

2. Фразеологическая репрезентация психического состояния человека как фрагмента концептосферы внутреннего мира человека. Фразеологизмы со значением состояния занимают особое место во фразеологической системе русского языка. Выражая свое состояние посредством фразеологических единиц, человек соотносит фразеологический образ с каким-либо явлением окружающей действительности. Обыч-

но эта реалья хорошо известна каждому носителю языка. Так возникают когнитивные модели, построенные на удвоении чувств различным явлениям природы, живым существам, стихиям и т. п.

Состояние человека, вызванное какой-либо неожиданно, отождествляется с таким явлением природы, которое возникает внезапно либо характеризуется скоростью, силой, энергией. Например, фразеологизм *каким ветром занесло* выражает удивление по поводу неожиданного появления кого-либо.

Гроза как стихийное природное явление, ненастье, сопровождающееся дождем, громом, молнией лежит в основе фразеологического образа единиц, обозначающих состояние гнева, раздражения, негодования: *разрази (порази) тебя (его, ее, вас, их) гром (громом)* — выражение возмущения, негодования, удивления и т. п.

Ассоциативное представление о холоде как факторе, соотносимом с определенным состоянием человека, также может служить образно-мотивационной идеей фразеологических единиц. Так, фразеологизмы *мороз по коже дерет (подирает, продирает), бросает в дрожь* являются характеристикой такого состояния, когда от внезапного сильного волнения, страха ощущается озноб. Например, *Легкой добычи захотелось?! — так и возникло выражение, типичное для всякой компании, расходящейся далеко за полночь, когда шумят, целуются на прощанье с хозяйкой и путают свой портфель с чужим: легкая добыча, и мужчин как бы даже в дрожь бросало от этого пьянящего словосочетания* (В. Маканин).

Так, в русской фразеологии состояние человека репрезентируется посредством образно-мотивационных идей, основанных на различных явлениях природы. Фразеологическая концептуализация мира осуществляется в результате образно-мотивационных и национально-культурных интерпретаций в сознании носителей языка, при этом фразеологизмы как целостные, устойчивые и воспроизводимые единицы языка фиксируют только те признаки обозначаемых фрагментов внеязыковой действительности, которые являются наиболее значимыми для человека.

3. Контрастивное изучение фразеологических картин мира близкородственных языков. При контрастивном изучении языковых картин мира прослеживается закономерное и последовательное развитие человеческого мышления, выявляется специфика национального менталитета, раскрывается связь языка с внеязыковой действительностью. Сопоставление идиоматики близкородственных языков в когнитивном аспекте представляет огромный интерес. Фразеологизмы каждого из сопоставляемых языков, с одной стороны, обладают неповторимыми, национальными чертами и отличаются индивидуальностью, с другой стороны, характеризуются интернациональными признаками. Законы мышления, естественно, являются общечеловеческими, интернациональными, однако способы языковой репрезентации, выделение на первый план или обобщение отдельных свойств имеет этническое своеобразие. Например, в русском языке отмечается фразеологизм *словно белены объелся*, в украинском языке — *неначе (собачої) блекоти наївся*, в белорусском языке — *блекату наеўся (аб'еўся)*.

Исследование фразеологии восточнославянских языков в когнитивном аспекте позволяет сделать вывод: в каждом из сопоставляемых языков существует ряд сугубо национальных единиц, хотя в большинстве случаев наблюдается взаимодействие фразеологических картин мира русского,

украинского и белорусского языков. Национальное своеобразие фразеологизмов проявляется не столько в их семантике, сколько во внутренней форме, точнее, во фразеологических образах.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
2. Одицова М. П. Вместо введения: к теории образа человека в языковой картине мира // Язык. Человек. Картина мира. Лингво-антропологические и философские очерки (на материале русского языка). Омск, 2001. С. 8–11.
3. Пименова М. В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека. Кемерово, 1999.
4. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1998. С. 8–70.
5. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Сост. Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. М., 1988.
6. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
7. Убийко В. И. Концептосфера внутреннего мира человека в аспекте когнитивной лингвистики // Виноградовские чтения. Когнитивные и культурологические подходы к языковой семантике. Тезисы докладов научной конференции, МГУ. М., 1999. С. 52–61.

К вопросу о паремийных константах

Е. И. Селиверстова

Санкт-петербургский государственный университет

selena754@inbox.ru

Пословица, фрагмент, функция, стабильность

Summary. In paper the steady fragment — it's one of constants of sphere of proverbs — and features of its functioning is shown.

Признание стативки в фольклоре делает актуальным изучение «атомарных» «единиц, стабильно присутствующих в различных вариантах одного «произведения» — пословицы. В принципе фольклорная эстетическая норма есть повторение (Е. М. Мелетинский), а клишированность является одним из критериев фольклорного генезиса.

Утверждение о том, что фольклор является собой колоссальный фонд, «в котором каждый найдет себе нужное <...> и берет то, что годится ему» (В. П. Аникин), как нельзя более соответствует нашему представлению о существовании в пословичном пространстве массы общих мест, стандартных формул и конструкций, повторяющихся образов и их вербальных оболочек. Статическое и динамическое проявляется в фольклоре не только в разных жанрах, но и на разных уровнях.

Интересно под этим углом зрения взглянуть на паремийные константы. Для паремииологических единиц (ПЕ) составляющими можно считать и повторяющиеся от ПЕ к ПЕ вербальные тела концептов (лексику), сочетания компонентов, составляющие значимый фрагмент ПЕ, структурно-семантические модели, принципы «складывания» значений целого из отдельных элементов.

Мы ограничимся показом некоторых фрагментов, на которые приходится определенный элемент в семантике целого, которые являются показателем провербиальности используемого текста. Каждый из таких фрагментов характеризуется в паремииологическом пространстве некоторым набором функций.

Общий фрагмент в ПЕ *Бабьего вранья и на свиные не объедешь* и *Суженого и на свиные не объедешь* в сочетании с разными компонентами, задающими тему выражения, формирует принципиально различную семантику: с одной стороны, речь идет о безграничности бабьего вранья, а с другой — о предопределенности, о женихе, предназначенном Богом и судьбой. Ср. также ПЕ, близкие по способу образования и семантике, но с иным образным элементом, которые можно рассматривать как варианты: *Суженого и на коне (и на кривых оглоблях) не объедешь* или соварианты: *Судьбу и на коне не объедешь*; *Беду и конем не объедешь*; (ср. также фразеологизм *Загнет, так загнет, что на добром коне не объедешь (не увезешь)*, т. е. «наврет с три короба» ФСГ-76).

Образный фрагмент *камень долбит / точит* высвечивает в пословицах семантику эффективности воздействия: *Деньга и камень долбит* (ср.: *Денежка и на камне дыру вертит*). Однако в ПЕ *Капля* <по капле и> *камень долбит (точит)* эта метафора в сочетании с образом капли — актуализирует новые семы: «длительность», «последовательность», «регулярность».

Общим для нескольких ПЕ может быть положенный в основу выражения образ мешка (меха), несущего без изменения некое положенное в него содержимое, не проявляющего собственной воли: *Посол — что мех: что в него вложишь, то и несет*; *Баба что мешок: что положишь, то и несет*; *Холоп — что мешок: что положишь, то и несет* (ср. также: *Бабы рубашки те же мешки: рукава-то завяжи, да что хошь положи*). При этом повторяющийся фрагмент — основание сравнения и комментарий — может трактоваться в ПЕ по-разному. Так, в отношении сходства бабы с мешком возможны два толкования: первое касается пола ребенка, который не выбирается по желанию женщины; матери дорог любой рожденный ею ребенок. В приведенном ниже контексте ощущается и семантический оттенок «недалекая» (*разумом не дошла*):

Во утробе не носила, своей грудью не кормила, а все же я ей мать, и сердце у меня лежит к ней все едино, как и к розоньым дочерям. <...> — Знаю про то, Захаровна, и вижу, — продолжал Потап Максимыч, — я говорю для того, что ты баба. Стары люди не с ветру сказали: «Баба что мешок: что в него положишь, то и несет». И потому, что ты есть баба, значит разумом не дошла, то как меня не станет, могут тебя люди разбить [Национальный корпус русского языка].

Возможно и иное толкование, связанное с болтливостью и склонностью к распространению слухов, сплетен; ср.:

Так что Сосковцу и вправду не остается ничего, кроме как попытаться понравиться бабам. Очевидно, расчет руководителей штаба строится на том, что принцип «баба что мешок, что положишь, то и несет» сильно облегчит информационно-массовую работу [Национальный корпус русского языка].

Не располагая иными трактовками и примерами использования ПЕ, смеем предположить, что в отношении посла и холопа речь идет об их несамостоятельности в принятии

решений, подневольности. Данный пример, с одной стороны, подтверждает идею А. А. Крикманна о семантической неопределенности ПЕ, проявляющейся лишь в контексте, и пословица в целом может трактоваться по-разному, и ее фрагмент — при известной дискретности паремии — толкуется разными способами, что зависит от идентифицируемого объекта.

Известный прежде всего по пословице *У бабы волос долог (волосы долги), да (а) ум короток* фрагмент *ум короткий / короток* становится в ПЕ знаком 'недалекости' и сочетается с мотивом противопоставляемого длинного — будь то руки, плеть, платье, язык, волосы: *У пастуха плеть длинная, а ум короткий; У короткого ума длинный язык; Пошли, господи, покупателя в долгом платье, да в коротком уме; Близок локоток, да ум короток*. Хотя и здесь, как нам кажется, допустимы версии толкования: так, пастух «с коротким умом» — не обязательно глупый, а просто человек, которому не нужно решать сложных задач, его умственные операции «коротки», просты. На контрастном биноме *длинный — короткий* основаны ПЕ и без указания носителя этого признака: *Руки длинные — ум короток; Волосы велики, да ум короток; Волос длинный, а ум короткий; Волос долог, да (а) ум короток*. Ср. также иноказательную ПЕ *Было три жены, да все не острижены* — т. е. волос долог, а ум, стало быть, короток = 'неумный'.

Типовые фрагменты оценочно-комментирующего характера связывают весьма различные тематические элементы. Так, известное современникам, но довольно старое устойчивое сравнение <идет>, *как корове седло* (что кому), <Не> *пристало, как седло к корове* — прост., ирон. 'О чем-л. несообразном, крайне неподходящем и несоответственном' — является в ПЕ звеном, указывающим на несоответствие на зываемых вещей или явлений, избыточность одного по отношению к другому: *Нищему (бедному) гордость — как (что) корове седло и Дураку спесь, что корове седло*. Образное, яркое сравнение является типовым паремийным фрагментом.

Таким образом, типовой фрагмент способен сохранять от ПЕ к ПЕ свою семантику, но часто при изменении «темы» паремии изменяется и вносимый этим фрагментом смысл. Тем не менее он является устойчивым элементом паремиологического пространства.

Литература

1. Аникин В. П. Теория фольклора: Курс лекций. М., 1996.
2. Крикманн А. А. Некоторые аспекты семантической неопределенности пословицы // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка (Структура. Смысл. Текст). М., 1978. С. 82–104.
3. Мелетинский Е. М. К вопросу о применении структурно-семиотического метода в фольклористике // Семиотика и художественное творчество. М., 1977. С. 152–170.

Стилистические особенности употребления фразеологизмов в манифестах XVIII в.

А. В. Чистяков

Московский государственный областной университет

muntasih@gmail.com

История языка, деловая письменность, фразеология, стилистика

Summary. This paper is devoted to the stylistic function of idioms in the manifests. Idioms are nonspecific for the business written language; however, we can find them in such genre as manifest, where they are used for expressiveness of the text.

Официально-деловой стиль в том виде, в котором он существует в настоящее время, характеризуется точностью, детальностью, сжатостью, а также стандартизованностью изложения. Кроме того, его особо выделяет отсутствие эмоциональной, экспрессивной окраски. Тем не менее, пройдя длительный путь развития, на предшествующих этапах своего существования деловой язык мог и не соответствовать этим требованиям. Проявление характера, личности пишущего отражалось и в чертностях, и в грамотах, и в указах, и в иных жанрах документов на протяжении нескольких столетий. В Петровскую эпоху и позднее деловая словесность подвергается регламентации, обретает более четкую структуру, принимает универсальные формулы, характерные для текстов официальных бумаг, однако еще сохраняет некоторые особенности исчезнувших к этому времени жанров. Среди этих особенностей, например, наблюдается употребление разговорных и экспрессивных единиц. Так, если взять для иллюстрации манифесты XVIII в., можно отметить активное употребление в них просторечных элементов, эмоционально окрашенных слов и выражений. Их функционирование служило средством оказания нужного воздействия на слушающего данный текст, создания у него должного настроения. Немаловажную роль с этой точки зрения играет употребление фразеологизмов, несущих определенную эмоциональную окраску.

Среди устойчивых выражений можно выделить следующие группы: нейтральные (*наче прежняго, въ слѣдствие того дабы, и иже с ним* — все примеры даны по: [2]), среди которых встречаются и выражения, тяготеющие к терминологии (*очныя ставки, учинить присягу*) и стилистически окрашенные (*обратить на путь истины, до послѣдней капли крови*), среди которых прослеживается немало понятий, восходящих к библейским мотивам (*праведный страх, страшный судъ, грѣхъ смертный, помазывать на царство, въ бозѣ почивающий, спасеніе души, принесеніе молитвы, страхъ Божій, судъ Божій*). В центре нашего внимания находятся именно последние словосочетания, заключающие в себе экспрессию.

Подобные выражения могут встречаться в манифестах любой тематической группы — в милостивых, торжественных, военных, печальных, мирных и узаконительных (по

классификации Магницкого [1]). Это говорит о том, что все манифесты имеют общие черты, объединены одной специфической особенностью, а именно: они предназначались для устного воспроизведения и должны были восприниматься, в первую очередь, не в письменном виде. Отсюда и следует употребление языковых единиц, свойственных живой разговорной речи, а также тех, которые исполнены особой торжественности, напоминая о Боге, душе, вопросах жизни и смерти. Причем чем необычное событие, по поводу которого издается манифест, тем больше случаев употребления в нем фразеологизмов.

Так, например, в манифестах по случаю вступления на престол и коронации Екатерины II употребляется множество эпитетов, отдельных эмоционально окрашенных слов и устойчивых выражений (*принять... ея помазание, праведный страх, вѣра Святая* и другие).

Однако не только в документах, посвященных событиям общегосударственной важности, употребляется экспрессия. Если происходит какое-либо событие, решение которого предлагается в манифесте, то для убеждения народа в правильности изъявляемой воли применяются способы, вызывающие к этическим и моральным нормам человека, которые, как подразумевается, основываются на религиозных, православных законах; блюсти же их в России призвано правительство. В манифесте от 24 октября 1762 г. («О наказании Поручиковъ Петра Хрущева и Семена Гурьева, Капитанъ-Поручика Ивана Гурьева и Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка Квартирмейстера Петра Гурьева, за оскорбление Величества и совершенный умыслъ къ общему возмущению»), в частности, говорится: *Мы можемъ, не похвалившись предъ Богомъ, цѣлому свѣту сказать, что отъ руки Божіей пріяли Всероссийскій престоль не на свое собственное удовольствие, но на разширеніе славы Его, и на учреждение добраго порядка и утверженіе правосудія въ любезномъ Нашемъ отечествѣ*. Таким образом, использование в речи библейских цитат и выражений получает логическое обоснование. Пафос этого документа, описывающего такое значимое событие, как нарушение общего спокойствия, направлен на формирование у *благонамѣренныхъ сыновъ отечества* чувства негодования и возмущения действиями указанных офицеров, которые, *презрѣвъ страхъ*

Божий <...> дерзнули дѣлать умысль къ испроверженію **Божіа** <...> промысла, и с этой целью происходит апеллирование к религиозному сознанию, убеждая в необходимости **предать** <...> **суду Божію** преступников.

Подобное употребление фразеологизмов наблюдается и в манифесте от 24 марта 1766 г., где преступники (*грѣшныя души*) противопоставляются *духовных овецъ стаду*, и в ряде других документов данного жанра; в частности, от 19 декабря 1774 г., 11 мая 1778 г., 22 сентября 1782 г., 23 февраля 1792 г., 18 марта 1797 г.

Таким образом, в текстах делового содержания XVIII в. ясно прослеживается такая риторическая категория как па-

фос. Одной из его характерных особенностей является использование эмоционального воздействия на адресата для убеждения и доказательства правоты принимаемого решения, и в ряде манифестов эта задача осуществляется при помощи фразеологизмов, содержащих церковнославянизмы и восходящих к библейским текстам.

Литература

1. *Магницкий М. Л.* Краткое руководство к деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу. М., 1835.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830.

Топонимия в пространстве русской идиоматики и паремиологии (лингвокультурологический аспект)

Т. Шутковски

Щецинский университет, Институт славянской филологии

tszutkowskil@wp.pl

Топоним, идиома, паремия, лингвокультурная специфика

Summary. The paper brings up the issue of place names included in idioms and paremiological units that function in the linguistic and cultural domain. Toponyms have the particular capability of accumulating and transforming certain facts concerning a given nation's history and cultural characteristics.

В широко понимаемой духовной и материальной культуре всех народов мира особое место занимают наименования разнообразных объектов, фрагментов или отрезков земного пространства, т. е. топонимы. Они составляют вторую по количеству группу онимов после антропонимов. Их специфика с лингвистической точки зрения заключается, во-первых, в том, что все топонимические наименования генетически относятся прежде всего к специфике естественной среды или историческим, культурным, общественным фактам, связанным, в свою очередь, с данным местом, городом, деревней и т. д. Во-вторых, топонимы отличаются, по крайней мере, небольшим потенциалом референции. В-третьих, процесс номинации объектов земного пространства мотивирован какими-то конкретными семантическими признаками, личные имена даются часто по случаю, без какой-либо существенной мотивации, например этимологии данного онима.

Культурная специфика топонимии детерминирована перцепцией человеком данной территории, а также созданием новой общественной действительности. Факт адаптации части земного пространства требует установления не только географических, но и социальных, а вследствие этого также и языковых координат. Топонимы составляют особую ономастическую систему ориентиров, без которой эффективная жизнь современного общества исключается.

С точки зрения лингвокультурологических исследований самым важным фактором является именно упомянутый выше культурный контекст функционирования единиц языковой системы разного уровня. Имена собственные, в том числе и топонимы, особенно предрасположены к аккумуляции и трансформации определенных этнических, аксиологических, социальных, исторических и др. признаков.

Еще более четко этот процесс проявляется в паремиях, в структуре которых содержится оним в производной или производных формах, даже если с современной точки зрения эта культурная маркировка может не восприниматься. Например, во фразеологизме *перейти (через) Рубикон* топонимический компонент потерял свое онимическое содержание, связанное с рекой Рубикон, служившей границей между Умбрией и Цизальпинской Галлией, которую перешел Юлий Цезарь со своими легионами. Топоним *Рубикон* стал источником образования семантики идиомы, хотя его первоначальное отношение к номинируемому объекту с синхронной точки зрения уже не осознается.

В русской идиоматике топонимические компоненты составляют 5 онимических разновидностей: 1) ойконимы (напр. *Афины, Бордо, Вавилон, Гоморра, Каносса, Малин, Могилев, Москва, Рига, Рим, Ташкент*); 2) хоронимы (напр. *Америка, Афганистан, Европа*); 3) оронимы (напр. *Геликон, Голгофа, Парнас, Пелион, Осса*); 4) гидронимы (напр. *Дунай, Лета, Рубикон, Гиппокрена*). Большинство местных наименований

общеизвестно в современной европейской культуре, что непосредственно относится к универсальному характеру культурно-историческо-общественной действительности.

Немногочисленные топонимы наблюдаются также в русской паремиологии, например, *Из села Помелова, из деревни Вениковой; Воля ваша, а Польша наша; Один в Кесово, другой в Разлисово; Казанская портомойня под Нижним водою замутила; Каково на дому, таково и на Дону; Этот нос — через Волгу нос; Это суция переправа через Березину*.

Топонимы как особые языковые маркеры способны аккумулятировать разные смыслы. В них отражается специфика материальной культуры народа, что выразительно подчеркивает типология местных наименований по их мотивационным признакам: различаются наименования топографические, культурные, притяжательные, патронимические, родовые, профессиональные, этнические, соотносительные. В структуре идиом и ПЕ топонимы воспринимаются также как своеобразный результат мировоззренческого фактора, который реализуется этими единицами в виде производных средств номинации и характеристики лиц, объектов, явлений и т. п. Все типы ономастических единиц могут обладать положительными или отрицательными коннотациями, источником которых надо признать историю и культуру данного этноса. Можно отважиться признать оправданным положение, согласно которому топонимы в пространстве идиоматики и паремиологии еще больше оснащены лингвокультурной спецификой, чем в своей производной форме и основной ономастической функции идентификации отдельных, неповторимых объектов реальной действительности. И по этой причине стоит обратить особенное внимание на этот материал в дальнейших лингвокультурологических исследованиях.

Литература

1. *Бирх А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / Под ред. В. М. Мокиенко. М., 2005.
2. *Бондалетов В. Д.* Русская ономастика. М., 1983.
3. *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 2004.
4. *Максимчук Н. А.* Фразеоним как функциональная ономастическая единица // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы / Сост. М. Л. Ремнёва и А. А. Поликарпов. М., 2007. С. 170–171.
5. *Хроленко А. Т.* Основы лингвокультурологии. М., 2005.
6. *Шилов А. Л.* Топонимические свидетельства языческого прошлого Москвы // Вопросы ономастики. 2006. № 3. С. 52–64.
7. *Mrózek R.* Nazwy geograficzne w zróżnicowaniu motywacyjno-funkcjonalnym // Nazwy własne w języku, kulturze i komunikacji społecznej / Pod. red. R. Mrózka. Katowice, 2004. S. 65–87.
8. *Nazwy własne i kultura. Polska i inne kraje słowiańskie* / Pod red. Z. Kalety. Warszawa, 2003.